

Иллюстрированный Альбомъ

къ роману Евгеній Онѣгинъ

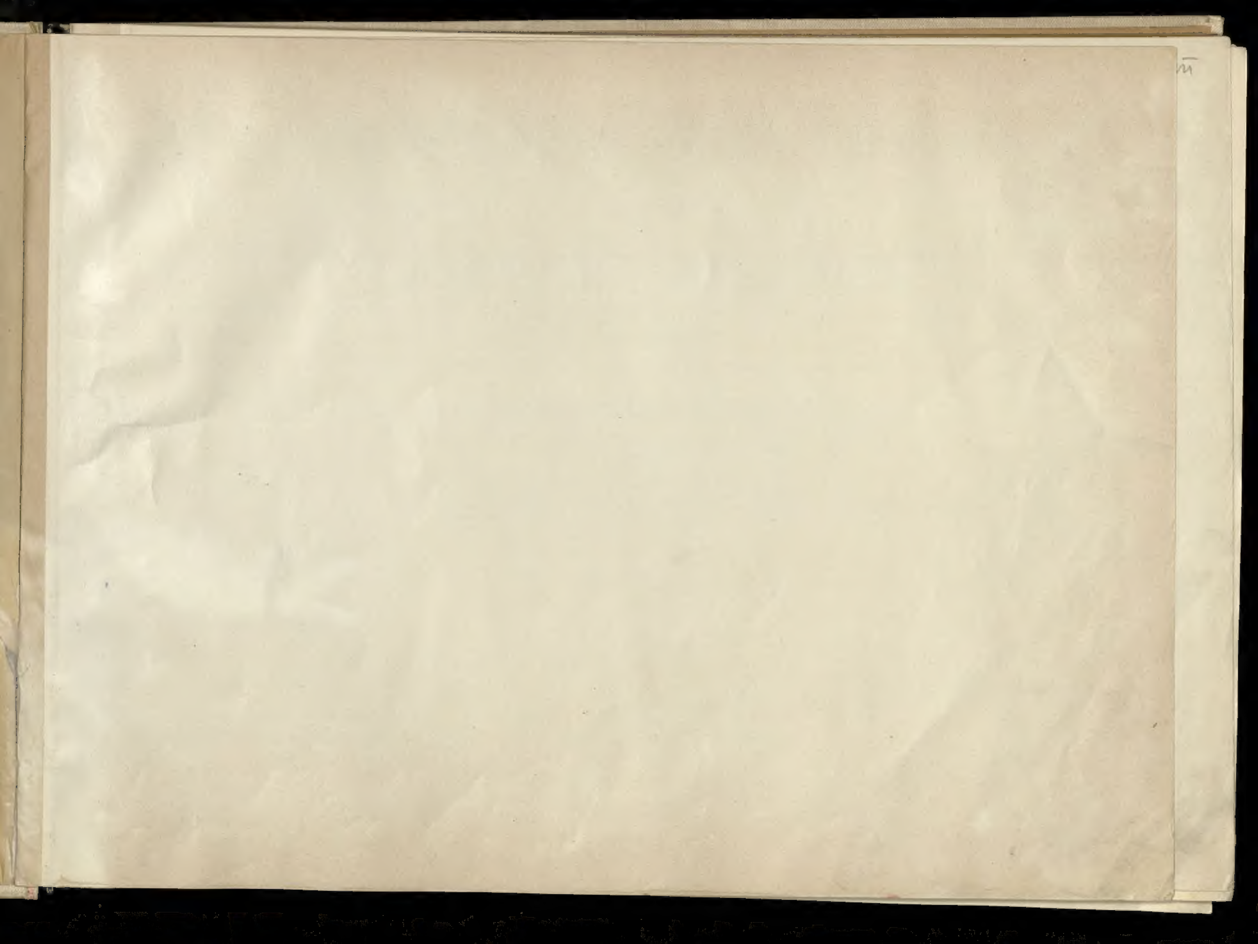
А. С. Пушкина.

27 мая 1822 Кишиневъ

Пушкинъ

Изданіе
В. Г. Готье.

С. Константиновъ 92.

39 листов рисунков

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМЪ

КЪ РОМАНУ

„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“

А. С. ПУШКИНА

48 НЕИЗДАННЫХЪ РИСУНКОВЪ

АКАДЕМИКА

Павла Петровича Соколова

1855—1860

Фототипіи К. А. Фишеръ

МОСКВА. 1892

Изданіе В. Г. Готье

Отпечатано въ числѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ изъ которыхъ:

№№ 1— 25 на **японской** бумагѣ

26—200 „ **веленевой** „

№ 52

В. Г. Готье

Мы давно намѣревались выпустить въ свѣтъ иллюстрированное изданіе романа *Евгеній Онѣгинъ* и до сихъ поръ не могли осуществить этого желанія нашего вслѣдствіе большой трудности, граничащей съ невозможностью, найти художника, который могъ бы дать намъ иллюстраціи, достойныя чуднаго произведенія великаго поэта. Въ Россіи и въ чужихъ краяхъ есть, несомнѣнно, очень талантливые художники и превосходные иллюстраторы, которымъ можно бы было довѣрить такое дѣло съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что съ внѣшней стороны оно будетъ исполнено безукоризненно. Но этого, по нашему мнѣнію, было бы недостаточно для воспроизведенія въ рисункахъ типовъ и образовъ, созданныхъ геніемъ Пушкина. Это типы чисто русскіе, и олицетворены они въ герояхъ и героиняхъ, принадлежащихъ давно прошедшему времени и извѣстному обществу со всѣми его особенностями, нынѣ исчезнувшими, стертыми общимъ культурнымъ ростомъ и громадными преобразованіями, пережитыми Россіей съ половины пятидесятыхъ годовъ. До этой эпохи всеобщаго обновленія жизнь всѣхъ слоевъ русскаго народа успѣла прочно сложиться въ опредѣленныя формы и замерла въ нихъ болѣе, чѣмъ на полстолѣтіе, какъ бы убаюканная вѣрой въ незыблемость существующаго порядка вещей. Измѣнялись моды, костюмы, прически, обстановка, весьма медленно, впрочемъ; въ самомъ же существѣ своемъ жизнь текла тихо и мирно, такъ же точно, какъ то было при отцахъ и дѣдахъ, въ неширокомъ руслѣ тѣхъ же привычекъ, понятій и вѣрованій. Набѣгали на нее отъ времени до времени нѣкоторыя иноземныя вѣянія мысли, но они лишь слегка касались поверхности, измѣняли чуть-чуть внѣшность, не проникая вглубь сознанія и не затрогивая крѣпко установившагося, узкаго круга идей. Все въ этой спокойной жизни было своеобразно, опредѣлено и размѣрено. Подъ ея вліяніемъ складывались характеры и вырабатывались типы, яркіе образы которыхъ увѣковѣчилъ Пушкинъ. При этомъ въ романѣ *Евгеній Онѣгинъ* онъ оставилъ потомству широкую, вѣрную и неподражаемо мастерскую картину не одного какого-либо круга общества, а всей русской жизни своего времени сверху до низу, отъ великосвѣтскихъ салоновъ до скромной дѣтской въ домѣ помѣщика средней руки, отъ блестящихъ столичныхъ баловъ и спектаклей до незатѣйливой деревенской вечеринки, отъ шумной суеты петербургской улицы до унылаго затишья крѣпостной деревни... Въ томъ, между прочимъ, заключается великое значеніе романа *Евгеній Онѣгинъ*, что,— сколько бы не прошло вѣковъ, какъ бы не изгладилось изъ памяти потомковъ представленіе о давно минувшемъ бытѣ предковъ,— одной этой книги достаточно для полнаго и вѣрнаго возстановленія цѣлой эпохи изъ жизни барско-крѣпостной Россіи. Этимъ и обусловливается, главнѣйшимъ образомъ, большая трудность въ наше время пріискать такого иллюстратора *Евгенія Онѣгина*, который могъ бы въ рисункахъ, соотвѣтствующихъ былой дѣйствительности, изобразить все то, что такъ намъ дорого въ романѣ Пушкина, по-истинѣ, народнаго поэта.

Сдѣлать это, удовлетворить, хотя бы до извѣстной только степени, тѣ требованія, которыя мы считали себя обязанными предъявить иллюстраторамъ, могъ только русскій художникъ, хорошо знакомый съ бытомъ того времени и съ типическими его представителями. Какъ бы ни былъ талантливъ, даже геніаленъ художникъ, онъ не въ силахъ этого выдумать и сочинить. Для того, чтобы произведенія его были не только изящны и прекрасны, но и вѣрны исторически, необходимо, чтобы онъ жилъ самъ въ то время, или въ ближайшіе къ той эпохѣ годы, чтобы онъ воочію видѣлъ тогдашнюю жизнь и типы, сложившіеся подъ ея вліяніемъ, а нынѣ уже совершенно исчезнувшіе. Такого художника мы не находили и уже готовы были отказаться отъ завѣтной нашей мысли.

Исключительно счастливый случай помогъ намъ открыть въ библіотекѣ одной дамы, принадлежащей къ высшему московскому обществу, цѣлый альбомъ, воспроизводящій рукописно текстъ *Евгенія Онѣгина* съ

такими, именно, художественными рисунками, о какихъ мы только мечтали, уже теряя надежду когда-либо имѣть ихъ въ рукахъ. Благодаря просвѣщенному сочувствію собственницы альбома къ нашему предпріятію, мы получили возможность его воспроизвести въ точныхъ снимкахъ фототипіей. Но въ альбомѣ не доставало заглавнаго листа и четырехъ рисунковъ, кѣмъ-то вырѣзанныхъ изъ него. Имя художника оставалось неизвѣстнымъ, что̀ и явилось естественною задержкой къ опубликованію художественнаго произведенія безъ согласія автора. Но и на этотъ разъ наши поиски оказались успѣшными, и намъ удалось найти, и уже въ другихъ рукахъ, заглавный листъ, изъ котораго видно, что альбомъ рисованъ извѣстнымъ нашимъ академикомъ Павломъ Петровичемъ Соколовымъ. Мы вступили съ нимъ немедленно въ переговоры и получили отъ него право на изданіе настоящаго альбома, который мы издаемъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ нами найденъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ глубокоуважаемый художникъ передалъ намъ исторію альбома, настолько любопытную, на нашъ взглядъ, что мы сочли умѣстнымъ передать ее здѣсь въ выдержкахъ изъ письма П. П. Соколова. Г. Анненковъ, издатель полнаго собранія сочиненій Пушкина, предполагалъ выпустить въ свѣтъ нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ его произведеній съ иллюстраціями, но потомъ отказался отъ этого намѣренія. «Тогда», — пишетъ авторъ альбома, — «я рѣшился иллюстрировать Онѣгина на свой страхъ и постепенно такъ увлекся этою работой, что къ концу года... изъ рисунковъ составился цѣлый альбомъ». Трудная задача оказалась выполненною настолько удачно, что это «произвело сенсацію въ тогдашней Москвѣ и, въ особенности, въ кружкѣ А. С. Хомякова, гдѣ автора прозвали творцомъ Татьяны». А извѣстный нашъ ректоръ Академіи художествъ, баронъ П. К. Клодтъ, предложилъ даже свои средства на изданіе *Евгенія Онѣгина* съ этими иллюстраціями. Изданіе это, однако же, не состоялось, главнымъ образомъ, за неимѣніемъ хорошихъ граверовъ. Отъѣзжая надолго изъ Москвы, П. П. Соколовъ оставилъ свой альбомъ у одного добраго знакомаго, котораго посѣщали многіе знаменитые артисты, музыканты, поэты и живописцы; у него бывали Глинка, Тургеневъ, Шевыревъ, Гоголь... Въ отсутствіе г. Соколова, его знакомый скоропостижно умеръ. «И не нашлось добраго человѣка, который извѣстилъ бы меня о его смерти», — разсказываетъ авторъ альбома. — Когда я возвратился въ Москву, то не засталъ уже и слѣдовъ его существованія. Имущество его было все распродано съ публичнаго торга, и, какъ я не бился, я не могъ узнать, какая постигла участь оставленный у него мой альбомъ». Впослѣдствіи П. П. Соколовъ слышалъ отъ Мих. Ник. Лонгинова, что альбомъ проданъ одновременно съ другими вещами и увезенъ кѣмъ-то за-границу. Затѣмъ всякій слѣдъ его исчезъ, и лишь рядъ случайностей помогъ намъ розыскать его и узнать имя автора.

Такимъ образомъ выяснилось, что альбомъ нарисованъ въ 1855—60 гг. пользовавшимся уже тогда большою извѣстностью художникомъ, и что альбомъ этотъ видѣли, одобряли и восхищались имъ многіе современники Пушкина и люди близкіе столь рано погибшему поэту. Помимо художественныхъ достоинствъ самого произведенія академика Соколова, это обстоятельство служитъ ручательствомъ въ томъ, что воспроизводимые нами рисунки вѣрны дѣйствительности или, по меньшей мѣрѣ, очень близки къ ней и передаютъ типы такими, какими они представлялись людямъ того времени. Ничего бо̀льшаго, полагаемъ мы, нельзя требовать отъ иллюстрацій, появляющихся въ свѣтъ черезъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ напечатанія въ первый разъ иллюстрируемаго теперь романа.

Намъ остается принести глубокую благодарность нашу уважаемой собственницѣ альбома, благожелательно предоставившей намъ возможность дать русской публикѣ такія иллюстраціи къ *Евгенію Онѣгину*, которыя, какъ мы надѣемся, будутъ по достоинству оцѣнены знатоками и любителями искусства, чтущими память великаго русскаго поэта.

Дозволено цензурою. Москва, 18 іюня 189[illegible] года

Типографія А. И. Мамонтова и К°. въ Москвѣ

ОНѢГИНЪ
А С.
Пушкина

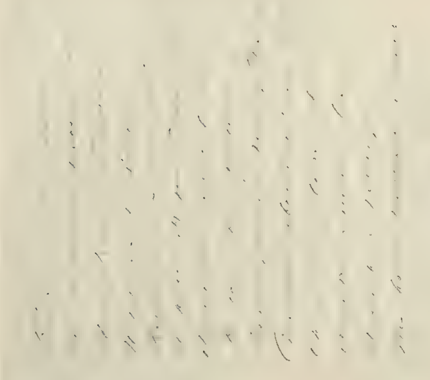

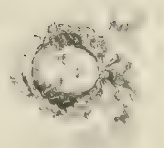

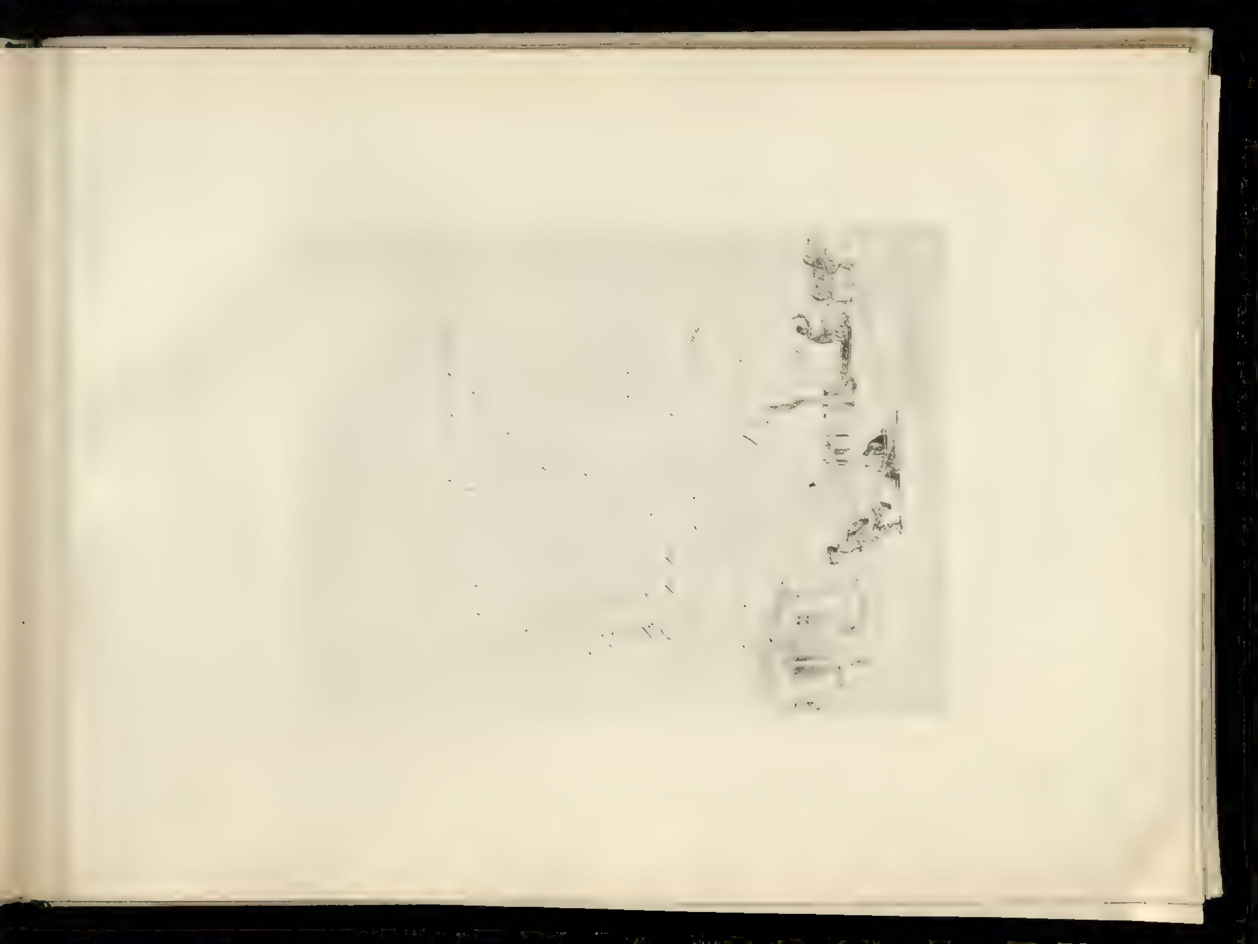

1799
1892